

Научная статья
УДК 343.1
EDN WRYLLH
DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.55-69

Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом: понятие, критерии отбора и типология

В.В. Лебин

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, Qwerty5L@mail.ru

Аннотация. Исследуются законные интересы участников уголовного судопроизводства, не обладающих определенным процессуальным статусом. Раскрывается содержание категорий «законный интерес» и «процессуальный интерес» в уголовно-процессуальной доктрине. Формулируется двойной критерий определения участников с неопределенным статусом, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов: наличие личного законного интереса и положение слабой стороны. Предлагается авторская типология интересов указанных лиц по характеру затрагиваемого блага: имущественный, информационный, компенсационный и интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Проводится соотнесение выделенных типов интересов с конкретными группами участников (заявитель, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, собственники имущества, на которое наложен арест, реабилитируемый, экстрадируемый и др.). Обосновывается, что проблема неопределенного статуса выражается не в отсутствии интересов, а в отсутствии целостного механизма их реализации и защиты.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, законный интерес, процессуальный интерес, неопределенный процессуальный статус, слабая сторона, участники уголовного процесса, процессуальные гарантии, типология интересов.

Для цитирования: Лебин В.В. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом: понятие, критерии отбора и типология / В.В. Лебин. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.55-69. — EDN WRYLLH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 2. — С. 55–69.

Original article

Legitimate Interests of Criminal Proceedings' Participants with an Uncertain Procedural Status: Concept, Selection Criteria and Typology

V.V. Lebin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation, Qwerty5L@mail.ru

Abstract. The article examines the legitimate interests of participants in criminal proceedings who lack a defined procedural status. The content of the categories “legitimate interest” and “procedural interest” in criminal procedure doctrine is revealed. A dual criterion for identifying participants with an uncertain status

who require the protection of their rights and legitimate interests is formulated: the presence of a personal legitimate interest and the position as a weaker party. The author proposes a typology of interests of such persons based on the nature of the affected benefit: property, informational, compensatory, and an interest of ensuring personal safety and protecting intangible benefits. A correlation of the identified types of interests with specific groups of participants is carried out (an applicant, a person under preliminary inquiry, owners of property subject to seizure, a rehabilitated person, an extradited person, etc.). It is substantiated that the problem of undefined status consists not in the absence of interests, but in the absence of an integral mechanism for their realization and protection.

Keywords: criminal proceedings, legitimate interest, procedural interest, undefined procedural status, weaker party, participants in criminal proceedings, procedural guarantees, typology of interests.

For citation: Lebin V.V. Legitimate Interests of Criminal Proceedings' Participants with an Uncertain Procedural Status: Concept, Selection Criteria and Typology. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 2, pp. 55–69. (In Russian). EDN: WRYLLH. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.2.55-69.

Введение

Категория «интерес» является базовой для правового регулирования уголовного судопроизводства. В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) одним из назначений уголовного судопроизводства провозглашена защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений. Анализ данной нормы свидетельствует о том, что за устоявшимся выражением «права и законные интересы» стоят различающиеся правовые явления, субъективное право и общественно значимый интерес. При этом законные интересы обладают самостоятельным юридическим значением и выступают отдельным объектом правовой охраны наряду с правами [1, с. 362]. Участие лица в процессуальных правоотношениях может быть обусловлено не только наличием субъективного права, но и стремлением реализовать конкретный законный интерес.

В научной литературе законные интересы участников уголовного судопроизводства рассматриваются как неотъемлемый элемент уголовно-процессуальных правоотношений, тре-

бующий четкого учета при правовом регулировании [2, с. 2–4]. Отдельные ученые предлагают рассматривать законные интересы как самостоятельный структурный компонент правовой конструкции процесса, сопоставимый по значимости с субъективными правами участников и публичными интересами государства [2, с. 3]. Вместе с тем в доктрине остается дискуссионным вопрос о соотношении прав субъектов уголовного процесса и их интересов, а также о гарантиях, необходимых для эффективной защиты последних.

Особое значение указанная проблема приобретает применительно к лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, но не наделенным процессуальным статусом. Такие участники — заявители, лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, собственники имущества, на которое наложен арест, реабилитируемые, экстрадируемые и иные субъекты — объективно обладают законными интересами, однако процессуальные инструменты их реализации и защиты остаются минимальными либо фрагментарными.

1. Понятие законного и процессуального интереса в уголовном судопроизводстве

Понятие интереса в широком смысле отражает осознанную потребность субъекта, связанную со стремлением к получению определенной пользы или выгоды. В определении И.Г. Смирновой интерес в уголовно-процессуальном контексте трактуется именно таким образом, при этом акцентируется субъективная мотивационная природа данного явления [3, с. 15]. Термин «интерес» имеет глубокие исторические корни: происходя от латинского «interest» (имеет значение), он через западноевропейские языки вошел в русский язык в XVIII веке, первоначально означая выгоду, пользу, а впоследствии приобретая значение внимания или значимости [4, с. 418; 5]. В правовом контексте интерес традиционно рассматривается как стремление лица к благоприятному результату, удовлетворяющему его потребности в рамках правового дозволения.

В уголовном судопроизводстве закон акцентирует значение именно законного интереса, то есть интереса, признанного и охраняемого правом и не противоречащего правовым нормам. Как отмечается в литературе, используемый в уголовно-процессуальном законе термин «интерес» фактически трактуется в значении «законный интерес», и закон признает допустимым для уголовного процесса лишь интересы, соответствующие требованиям законности [6, с. 33]. По результатам сравнительно-правового анализа С.А. Дилбандян приходит к выводу, что уголовно-процессуальный закон защищает лишь такие интересы, которые имеют правовую легитимацию, то есть являются законными [6, с. 33].

Следует подчеркнуть, что в тексте УПК РФ понятия «интерес» и «закон-

ный интерес» употребляются как равнозначные. Так, на эту особенность терминологии специально обращает внимание Р.В. Мазюк, по его мнению, законодатель не проводит принципиального различия между указанными терминами, используя их в качестве синонимов, что порождает непоследовательность нормативного словоупотребления [7, с. 76–78]. Это означает, что всякий интерес, имеющий значение в рамках уголовного судопроизводства, предполагается законным, в противном случае он не подлежит охране и реализации.

На нормативном уровне идея приоритета законных интересов нашла отражение в принципах уголовного судопроизводства. Статья 6 УПК РФ провозглашает в качестве одной из основных целей защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Указанные положения непосредственно корреспондируют конституционным нормам, в частности ст. 52 Конституции Российской Федерации, гарантирующей защиту прав потерпевших, и свидетельствуют о том, что уголовный процесс призван обеспечивать баланс публичных и частных интересов [8, с. 11]. Как справедливо отмечает А.А. Тарасов, публичное начало предполагает равную защиту каждого законного интереса, а достижение справедливого баланса публичного и частного само по себе составляет публичный интерес, следовательно, законный интерес каждого участника выступает ориентиром, в рамках которого обеспечивается его защита [9, с. 152–153, 156, 158–160].

Таким образом, законным интересом участника уголовного процесса следует считать такое благо или цель,

которые допускаются и охраняются уголовно-процессуальным законом [10, с. 15–16]. Все правомерные стремления сторон и иных лиц, возникающие в связи с уголовным делом, подпадают под категорию законных интересов [10, с. 15–16]. Незаконные же притязания правовой защитой не обеспечиваются, поскольку выходят за пределы правового дозволения¹. Вместе с тем законный интерес представляет собой категорию не только индивидуального, но и общественного порядка, поскольку уголовный процесс учитывает, как интересы личности, так и интересы общества и государства. В условиях современного правопорядка наука отказалась от доктрины советского периода о полном совпадении интересов личности и государства [9, с. 152–156, 158–160; 11, с. 3]. Сегодня признается автономность частных интересов — например, интересов потерпевшего или обвиняемого, — которые могут не совпадать с интересами государственных органов, и задача закона состоит в том, чтобы обеспечить их надлежащее соблюдение и защиту в пределах, установленных правом [9, с. 152–156, 158–160].

Наряду с общим понятием законного интереса в научной литературе по уголовному процессу сформировалось представление о процессуальном интересе — специфической разновидности интереса, обусловленной функциональной позицией участника в судопроизводстве. Если законный интерес отражает допустимое законом стремление, то процессуальный

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 окт. 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности ст. 195 и 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абзаца второго пункта 2 ст. 200, абзаца второго ст. 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. 01.11.2024. № 0001202411010001.

интерес акцентирует связь этого стремления с процессуальной ролью субъекта и ходом уголовного дела.

Одним из первых исследователей, обратившихся к данной категории, был В.М. Галкин, отмечавший, что процессуальный интерес представляет собой интерес в успешном осуществлении определенной процессуальной функции [12, с. 37]. Дальнейшее развитие данная идея получила в работах С.Д. Шестаковой, которая определила процессуальный интерес как выраженную в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства его потребность в том, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат [13, с. 17]. Комплексное определение было предложено Л.И. Ильницкой, согласно которому процессуальные интересы представляют собой возникающие в связи с возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовного дела стремления субъектов процесса к достижению социально значимого результата, которые признаются и охраняются уголовно-процессуальным законом [14, с. 37]. Таким образом, в доктрине прослеживается развитие категории процессуального интереса: от функциональной характеристики через поведенческое измерение к нормативно-телеологическому определению.

Термин «процессуальный интерес» получил признание и в судебной практике. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 02 июля 2013 г. № 16-П указано, что стороны обвинения и защиты, заявляя ходатайства, всегда преследуют собственный процессуальный интерес². Данное

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности поло-

признание на уровне высшей судебной инстанции подчеркивает значимость учета процессуальных интересов при толковании и применении уголовно-процессуальных норм.

В научной дискуссии высказывались различные точки зрения относительно соотношения процессуального интереса и субъективных прав участников. Отдельные авторы полагали, что в современном процессе права участников полностью охватывают их интересы. Однако, как убедительно обосновывает Р.В. Мазюк, процессуальный интерес — самостоятельная категория, которая, будучи тесно связана с правами, к ним не сводится [7, с. 83]. Так, по мнению данного автора, интерес обвиняемого избежать уголовной ответственности по существу является стремлением к определенному процессуальному решению — оправдательному приговору или прекращению дела по нереабилитирующему основанию [7, с. 80]. Подобное стремление полностью укладывается в рамки закона и должно уважаться. Процессуальный интерес, таким образом, служит мотивирующей основой для использования участником своих прав и исполнения обязанностей: если права — это юридические возможности, предоставленные лицу, то интересы побуждают этими возможностями воспользоваться.

Обобщая изложенные доктринальные позиции, можно определить процессуальный интерес как нормативно дозволенное и обусловленное процессуальной функцией целеполагающее стремление участника уголовного су-

допроизводства, определяющее его поведение и направленное на достижение предпочтительного исхода дела или отдельного процессуального решения. У каждого участника — будь то стороны или иные субъекты — имеется свой процессуальный интерес, вытекающий из его положения в процессе [15, с. 224–225; 16, с. 89–91]. Именно через призму процессуальных интересов возможно глубже понять смысл многих уголовно-процессуальных норм, касающихся прав и обязанностей участников, так как законодатель, устанавливая определенные права, стремится обеспечить возможность реализации соответствующих интересов [16, с. 89–90]. Разграничение законного и процессуального интереса имеет методологическое значение, так как категория процессуального интереса раскрывает функциональную мотивацию участника и его ориентацию на конкретный процессуальный результат, тогда как категория законного интереса, будучи более широкой, позволяет охватить все многообразие благ, затрагиваемых уголовно-процессуальными решениями и действиями. Поскольку предлагаемая ниже типология строится по характеру затрагиваемого блага, именно законный интерес принимается в качестве базовой категории, а процессуальный интерес выступает его функциональной конкретизацией применительно к участнику, обладающему определенной процессуальной позицией.

2. Система критериев определения участников с неопределенным процессуальным статусом, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов

Понятие процессуального интереса имеет принципиальное значение. У лиц с неопределенным процессуальным

жений ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.07.2013. № 0001201307040006.

статусом интерес может существовать объективно, однако процессуальные инструменты его реализации и защиты — права и гарантии — являются минимальными либо фрагментарными. Выявляя связь интереса и прав, важно учитывать, что в реальном процессе интерес может наличествовать и при отсутствии процессуального статуса. Данное обстоятельство обуславливает повышенную уязвимость отдельных участников и требует дальнейшего анализа.

Вместе с тем проблематика участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом требует дифференцированного подхода, поскольку такие лица неоднородны по своей роли в процессе и по характеру вовлечения. В доктрине подчеркивается, что в уголовном процессе действуют не только лица, отстаивающие определенный интерес в деле, но и те, кто вовлекается для содействия правосудию и может не иметь личной заинтересованности в исходе дела. Так, по мнению Ю.К. Якимовича, одних участников объединяет реализация своих прав и интересов, других — выполнение обязанностей или оказание содействия, а «в третью группу входят участники, которые оказывают содействие и не имеют никакого личного интереса в деле» [17, с. 10].

Отсюда следует методологически важный вывод: не всякое лицо с неопределенностью статуса нуждается в специальном обеспечении прав и законных интересов, сопоставимом по объему с гарантиями для уязвимых участников. Часть вовлеченных лиц действует в рамках реализации публичной функции, а их процессуальные возможности определяются системой полномочий и обязанностей. Данная позиция корреспондирует общему подходу, соглас-

но которому регулирование поведения субъектов, защищающих публичный интерес, преимущественно строится через обязанности, тогда как участникам, имеющим личный интерес в исходе дела, процесс предоставляет прежде всего права как юридические средства защиты [2, с. 4].

В этой связи для отбора лиц, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов, представляется обоснованным сформулировать два критерия.

Первый критерий — наличие личного законного интереса. В современной теории законный интерес понимается не как абстрактная заинтересованность, а как юридически значимое устремление к социальному благу. Как указывает П.М. Малин, законный интерес представляет собой «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения, не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности» [2, с. 3]. При этом благо может иметь как материальный, так и нематериальный характер. Наличие личного законного интереса свидетельствует о том, что лицо вовлечено в процесс не в силу должностных обязанностей и не вспомогательно, а как носитель блага, которое объективно затрагивается уголовно-процессуальными решениями и действиями.

Второй критерий — положение слабой стороны, то есть ситуация, при которой лицо объективно находится в структурно неравном положении по отношению к органам, осуществляющим уголовное судопроизводство. Неравенство определяется не отсутствием гарантий как таковым, а совокупностью

объективных факторов: асимметрией ресурсов и властных полномочий между индивидом и государственным органом, применением мер принуждения или ограничений, а также ранней стадией производства, на которой процессуальные роли еще не сформировались. Именно эти факторы порождают потребность в дополнительных гарантиях. Сам по себе личный законный интерес еще не отделяет тех, кто реально нуждается в дополнительных гарантиях, от тех, кто способен защищать свои интересы имеющимися средствами. В доктрине справедливо отмечается, что на ранних этапах, особенно при проверке сообщения о преступлении, уголовно-процессуальный механизм все шире допускает применение процессуальных средств до принятия решения о возбуждении дела, фактически расширяя самостоятельность данной стадии [18, с. 2]. Это означает, что вмешательство в сферу прав и интересов возможно ранее, чем возникнет процессуальный статус с соответствующим набором прав.

Именно в этом проявляется уязвимость соответствующих лиц, они могут испытывать процессуальное воздействие, не располагая при этом сопоставимыми средствами защиты. Как констатирует Н.А. Логинов, на практике лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, не является субъектом уголовно-процессуальных отношений и не обладает какими-либо процессуальными правами, одновременно отсутствует обязанность должностных лиц уведомлять его о проведении проверочных мероприятий и разъяснять права, что делает защиту несвоевременной [19, с. 61–62]. На ограниченность установленного законом перечня прав лица, в отношении которого проводится проверка, обращает внимание А.Ф. Олчёнов, подчер-

кивая, что данный перечень является ограниченным и не позволяющим в полной мере защитить свои права и участвовать в состязательном процессе правосудия на стадии возбуждения уголовного дела [20, с. 52].

Таким образом, слабая сторона — это не формальная принадлежность к стороне защиты или обвинения, а объективное положение лица, при котором: а) решения и действия органов затрагивают личное благо; б) лицо находится в структурно неравном положении вследствие неопределенности статуса, ранней стадии производства, применения мер принуждения или ограничений либо асимметрии ресурсов по отношению к властному субъекту. Следствием такого положения является ограниченный доступ к процедурам, информации и средствам защиты, что объясняет, почему такие лица оказываются в ситуации, требующей обеспечительных механизмов: в условиях дефицита процессуальных возможностей существенное значение приобретают гарантии доступа к адвокату, к обжалованию, к информации и к участию в действиях, затрагивающих их права [20, с. 52].

Для обеспечения практического применения указанных критериев целесообразно конкретизировать их через совокупность признаков, характеризующих личный интерес участника с неопределенным статусом: затрагивается личное благо (материальное или нематериальное) — имущество, информация, репутация, безопасность, компенсация, при этом законный интерес ориентирован на достижение или сохранение такого блага и допускает обращение за защитой [2, с. 3]; реализация интереса зависит от решений и действий органов, поскольку уголовно-процессуальные средства могут применяться еще до формального воз-

буждения дела, расширяя фактическое воздействие на сферу прав и интересов [18, с. 2]; неопределенность статуса порождает риск неблагоприятных последствий, когда лицо оказывается объектом проверочных мероприятий или ограничений без полноты статуса и без четкого набора процессуальных прав, включая своевременную информацию о принимаемых решениях [19, с. 61–62]; интерес невозможно защитить без процессуальных гарантий, поскольку даже закрепленные права при проверке сообщения о преступлении оцениваются как недостаточные для полноценной защиты и участия в состязательности на ранней стадии [20, с. 52].

3. Типология интересов участников с неопределенным процессуальным статусом

Определив двойной критерий отбора — наличие личного законного интереса у лиц, находящихся в положении слабой стороны в силу стадии производства или применения ограничений, — целесообразно перейти к содержательной характеристике интересов указанных лиц. Такая характеристика требует типологизации, позволяющей впоследствии обосновать систему прав и гарантий как механизм реализации соответствующих интересов. В качестве основания типологии принимается характер затрагиваемого блага, с которым связан интерес участника. Данный критерий позволяет разграничить интересы по их предметной направленности и выделить четыре основных типа. Следует оговорить, что предлагаемая типология строится по доминирующему характеру блага: каждый тип определяется тем благом, которое составляет основное содержание интереса. Вместе с тем в конкретной процессуальной ситуации интересы

одного лица могут сочетать элементы нескольких типов — например, компенсационный интерес предполагает возмещение как имущественного, так и неимущественного вреда, а интерес в безопасности может включать информационную составляющую. Такое частичное пересечение не опровергает типологию, поскольку классификация проводится по основному предмету устремления, а не по исчерпывающему перечню затрагиваемых благ.

Имущественный интерес проявляется там, где уголовно-процессуальные решения и меры фактически вмешиваются в сферу собственности и иных вещных или обязательственных прав, хотя лицо не наделено статусом стороны или иного участника. Наиболее характерный пример — наложение ареста на имущество, принадлежащее лицам, не являющимся участниками дела. Постановление суда об аресте имущества ограничивает правомочия владения, пользования и распоряжения, не лишая формально права собственности, однако создавая для владельца ситуацию длительного обременения. Возникающие при этом споры по своей природе приобретают уголовно-процессуальный характер, хотя порождают последствия гражданско-правового свойства [21, с. 54–57]. Существенной проблемой реализации имущественного интереса при неопределенном статусе выступает несвоевременное уведомление: на практике такие лица нередко узнают об ограничении уже после его наложения, что снижает эффективность возражений, ходатайств и жалоб [21, с. 123].

Информационный интерес выражается в потребности лица знать, какие решения приняты, по каким основаниям они приняты и какими средствами можно на них реагировать. Для участников с неопределенным статусом дан-

ный тип интереса нередко становится базовым до тех пор, пока лицо не имеет статуса, именно информация — о ходе проверки, о принятом решении, об основаниях ограничений — становится условием реализации иных интересов. По данному вопросу Конституционный Суд Российской Федерации указал, что требования конфиденциальности и тайны предварительного расследования не могут толковаться как абсолютный запрет для заявителя или очевидца на ознакомление с материалами, затрагивающими его права, если речь идет о возможности эффективной судебной защиты³. В научных работах, посвященных институту ходатайств на стадии возбуждения уголовного дела, обосновывается, что право на заявление ходатайств и на получение мотивированного ответа логически предполагает доступ к сведениям, в том числе к материалам проверки, в объеме, достаточном для обоснования ходатайства или жалобы [22, с. 76].

Компенсационный интерес выражается в стремлении лица восстановить положение, существовавшее до вмешательства, и получить возмещение причиненного вреда — имущественного и, в предусмотренных законом формах, неимущественного. Данный тип интереса особенно значим для лиц, чьи права были затронуты необоснованным уголовным преследованием или иными незаконными процессуальными

решениями, когда защита предполагает не только прекращение ограничений, но и компенсацию их последствий. В доктрине отмечается, что для государства принципиально значимо не просто констатировать незаконность преследования, но обеспечить оперативное и реальное восстановление прав и законных интересов лица, включая действенные механизмы компенсации [23, с. 279–281].

Интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Данный тип интереса возникает в связи с угрозами жизни, здоровью, а также чести, достоинству и деловой репутации лица, обусловленными его фактическим вовлечением в уголовное судопроизводство. В отличие от предшествующих типов, интерес в обеспечении безопасности и защите нематериальных благ может возникать как самостоятельное проявление уязвимости лица, однако зачастую актуализируется наряду с иными интересами, дополняя и усиливая потребность в процессуальных гарантиях. В учебно-научных работах по обеспечению безопасности участников уголовного процесса безопасность трактуется как система мер, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества, и одновременно как гарантия реализации прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство и подвергающихся риску [24, с. 34–35].

4. Соотнесение типов интересов с группами участников

Разработанная типология приобретает прикладное значение при соотношении типов интересов с конкретными группами участников.

Во-первых, на стадии рассмотрения сообщения о преступлении и принятия решения о возбуждении уголовного

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2025 г. № 1839-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 15 Федер. закона “О государственной геномной регистрации в Российской Федерации” и частями первой и второй статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации.

дела интересы концентрируются вокруг информационной составляющей. Заявитель заинтересован в том, чтобы сообщение было зарегистрировано, проверено полно и объективно, а итоговое решение было мотивированным и своевременно доведено до его сведения. Указанный интерес имеет непосредственное значение для реализации права на обращение и последующего обжалования процессуальных решений [25, с. 26–27]. Одновременно лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, объективно заинтересовано в предотвращении необоснованных ограничений и в получении минимально достаточных гарантий защиты, однако действующее регулирование фиксирует лишь отдельные права и не формирует процессуального статуса [20, с. 52–53].

Во-вторых, при применении мер процессуального принуждения и проведении следственных действий, затрагивающих третьих лиц, доминируют имущественный и компенсационный интересы. Собственники и законные владельцы имущества, на которое наложены ограничения, заинтересованы в его сохранности, в предсказуемости режима ограничений и в наличии действенного механизма оспаривания [21, с. 4–5]. Аналогично лица, чьи конституционные права ограничиваются при обыске и иных следственных действиях (в частности, третьи лица, не являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми, в чьем жилище или в отношении чьего имущества проводятся следственные действия), ориентированы на минимизацию вмешательства, возврат изъятого, возмещение вреда и восстановление положения, существовавшего до вмешательства [26, с. 19].

В-третьих, для лиц, вовлекаемых в процесс опосредованно, характерен

приоритет интересов безопасности и процессуальной осведомленности. Близкие лица и близкие родственники умершего в ряде ситуаций фактически несут последствия уголовного преследования, при этом УПК РФ не закрепляет их четкого процессуального положения, что порождает неоднородность подходов и ограничивает предсказуемость гарантий [27, с. 235–236]. В доктрине подчеркивается распространенность посткриминального воздействия не только на основных участников, но и на их близких, что объективно расширяет круг лиц, чьи интересы нуждаются в обеспечении [24, с. 4–5]. Как отмечается в литературе, залогодатель и поручитель, выступая обеспечивающими субъектами, имеют самостоятельный законный интерес в получении полной и своевременной информации о сути обвинения, об условиях избранной меры и о рисках неблагоприятных имущественных последствий [28, с. 15, 91].

В-четвертых, интерес приобретает восстановительно-защитный характер и требует усиленных гарантий. Реабилитируемый заинтересован в полном восстановлении нарушенных прав, в реальном доступе к компенсационным механизмам и в устранении последствий незаконного уголовного преследования [23, с. 279–280]. Экстрадируемый, находясь в ситуации повышенного вмешательства в личную свободу, заинтересован в судебном контроле и эффективном обжаловании решений о выдаче и связанных с ней ограничений. Соответствующие гарантии прямо привязаны к судебной процедуре и механизму обжалования, однако сложность многоуровневого регулирования объективно усиливает риск ненадлежащей реализации интереса на защиту [29, с. 26].

В-пятых, самостоятельную группу образуют лица, в отношении которых

применяются меры безопасности при угрозе жизни и здоровью. Данные лица отвечают обоим элементам двойного критерия: их личный законный интерес состоит в сохранении жизни, здоровья, чести и достоинства, то есть нематериальных благ, непосредственно затрагиваемых фактом вовлечения в уголовное судопроизводство. Положение слабой стороны обусловлено тем, что угроза исходит от третьих лиц в связи с уголовным делом, а лицо, подвергающееся угрозе, не располагает собственными процессуальными средствами для ее устранения и зависит от решений и действий органов, осуществляющих производство. Интерес в обеспечении безопасности является здесь доминирующим, однако он сопряжен с информационным интересом — потребностью знать о характере угрозы и принимаемых мерах — и может дополняться компенсационным интересом в случае причинения вреда [24, с. 34–35].

Выводы

На основании вышеизложенного представляется сформулировать следующие выводы.

Законный интерес участника уголовного процесса представляет собой допускаемое и охраняемое уголовно-процессуальным законом стремление лица к определенному благу или цели. Процессуальный интерес является специфической разновидностью законного интереса, обусловленной функциональной позицией участника в судопроизводстве и направленной на достижение предпочтительного исхода дела. Данные категории обладают самостоятельным юридическим значением и не сводятся к субъективным правам участников.

Для выявления участников с неопределенным процессуальным ста-

тусом, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов, обоснован двойной критерий: наличие личного законного интереса и положение слабой стороны. Первый критерий отграничивает носителей индивидуального блага от лиц, вовлеченных в процесс для реализации публичных полномочий. Второй критерий выявляет структурно неравное положение лица по отношению к органам, осуществляющим уголовное судопроизводство, обусловленное асимметрией ресурсов и властных полномочий, неопределенностью статуса, ранней стадией производства либо применением мер принуждения, следствием чего является ограниченный доступ к процедурам и средствам защиты.

По доминирующему характеру затрагиваемого блага выделены четыре типа интересов участников с неопределенным процессуальным статусом: имущественный, информационный, компенсационный и интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Каждый тип характеризуется специфической предметной направленностью и корреспондирует определенным группам участников. В конкретной процессуальной ситуации интересы одного лица могут сочетать элементы нескольких типов, однако классификация проводится по основному предмету устремления, что обеспечивает ее практическую применимость при обосновании системы прав и гарантий.

Проведенное соотнесение показывает, что проблема неопределенного статуса выражается не в отсутствии интересов как таковых, а в отсутствии целостного механизма их реализации и защиты. По результатам проведенного анализа, по критерию наличия личного законного интереса, сопряженного с положением слабой стороны в уголовном

судопроизводстве, в который включаются следующие участники с неопределенным процессуальным статусом: заявитель; лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении; собственники или законные владельцы имущества, денежных средств на счетах, средств связи и иных объектов, на которые наложен арест; третьи лица, не являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми, чьи конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий; близкие лица; близкие родственники умершего; залогодатель; поручитель; реабилитируемый; экстрадируемый; лицо, в отношении которого применяются меры безопасности при угрозе жизни и здоровью.

Лица, вовлекаемые в процесс преимущественно для реализации публичных полномочий либо для содействия осуществлению правосудия, в рамки настоящего анализа не включаются. Это не означает, что у таких лиц полностью отсутствуют личные интересы — должностное лицо может иметь, например, репутационный или карьерный интерес, связанный с исходом дела. Однако подобные интересы не являются основанием их вовлечения

в процесс и не определяют их процессуальную функцию, они носят сопутствующий характер и обеспечиваются иными правовыми механизмами — ведомственными законами, дисциплинарной ответственностью, системой процессуального контроля. Процессуальные возможности указанных лиц определяются системой обязанностей и полномочий, а не логикой обеспечения личного блага [17, с. 10; 2, с. 4], что принципиально отличает их от участников, которые входят в предмет настоящего анализа.

В качестве базовых принимаются личные интересы указанных лиц, объективируемые затрагиванием их индивидуальных благ и правового положения в связи с уголовно-процессуальными решениями и действиями. По характеру затрагиваемого блага к числу таких интересов относятся: имущественный, информационный, компенсационный, а также интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Отсюда следует необходимость дальнейшего анализа: какие минимальные права и гарантии должны корреспондировать каждому типу интереса и какие процедурные механизмы необходимы для их обеспечения.

Список использованной литературы

1. Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — С. 362–380.
2. Малин П.М. О категории «законный интерес» в уголовном судопроизводстве / П.М. Малин. — EDN VROBBF // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 117(03). — С. 1–13.
3. Смирнова И.Г. Интерес — понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова. — EDN JHMZFF // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 14–18.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов / И.Х. Дворецкий. — 4-е изд. — Москва : Рус. яз., 1996. — 843 с.
5. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве / С.В. Михайлов. — Москва : Статут, 2002. — 205 с.
6. Дилбандян С.А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве? (сравнительное правовое исследование уголовного процесса России и Армении) / С.А. Дилбандян. — EDN NDMYXT // Российский судья. — 2010. — № 11. — С. 31–34.

7. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства / Р.В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4(18). — С. 76–84.
8. Лапаев И.С. Общие положения уголовного процесса : учеб. пособие / И.С. Лапаев, А.Б. Алейникова. — Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2021. — 170 с.
9. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1. — С. 152–163.
10. Червонюк В.И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека / В.И. Червонюк // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2022. — № 2(58). — С. 12–23.
11. Дегтярев А.Д. Баланс интересов личности, общества и государства в правовой сфере / А.Д. Дегтярев. — Москва : МГИМО-Университет, 2010. — 546 с.
12. Галкин В.М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / В.М. Галкин. — Москва, 1951. — 175 с.
13. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. — Санкт-Петербург, 2001. — 220 с. — EDN TIVAPL.
14. Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.И. Ильницкая. — Москва, 2003. — 201 с.
15. Бéroва Д.М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве / Д.М. Бéroва // Общество и право. — 2010. — № 4. — С. 224–233.
16. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. — 4-е изд. — Москва : Кнорус, 2008. — 704 с.
17. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса / Ю.К. Якимович. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. — 176 с.
18. Боруленков Ю.П. Доследственная проверка: за и против / Ю.П. Боруленков // Российский следователь. — 2013. — № 19. — С. 4–8.
19. Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Логинов. — Москва, 2019. — 207 с.
20. Олчёнов А.Ф. Правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ / А.Ф. Олчёнов. — EDN VCBHRZ // Российско-азиатский правовой журнал. — 2019. — № 3. — С. 51–54.
21. Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / В.В. Мурылева-Казак. — Москва, 2023. — 221 с.
22. Зебницкая А.К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.К. Зебницкая. — Москва, 2018. — 215 с.
23. Федонин А.Е. Обеспечение прав и законных интересов реабилитированного как участника уголовного судопроизводства / А.Е. Федонин, Ю.В. Перетятко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 31, № 2. — С. 278–286.
24. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: курс лекций : учеб. пособие / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин. — Казань : Изд-во Казанского университета, 2025. — 154 с.
25. Морозова О.С. Заявитель о преступлении в уголовно-процессуальном праве России / О.С. Морозова. — DOI 10.14529/law240404. — EDN EQRCNQ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — Т. 24, № 4. — С. 25–32.
26. Зиновьев К.О. Правовые механизмы обеспечения процессуальных гарантий третьих лиц при наложении ареста на имущество / К.О. Зиновьев. — EDN QEGMDO // Юридическая наука. — 2019. — № 5. — С. 60–64.
27. Патрушева Т.Ю. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего в уголовном судопроизводстве / Т.Ю. Патрушева. — DOI 10.19073/2306-1340-

2018-15-2-234-239 // Вестник Омской юридической академии. — 2018. — Т. 15, № 2. — С. 234–239.

28. Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Вершинина. — Харьков, 1998. — 26 с.

29. Баркалова Е.В. Экстрадиция. Передача лица для отбывания наказания. Признание и исполнение приговоров судов иностранных государств : учеб. пособие / Е.В. Баркалова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт, 2023. — 87 с.

References

1. Subochev V.V. Legitimate Interests. In Malko A.V. (ed.). *Problems of the Theory of State and Law*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012, pp. 362–380.

2. Malin P.M. About the Category of “Legitimate Interest” in Criminal Proceedings. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*, 2016, no. 117, pp. 1–13. (In Russian). EDN: VROBBF.

3. Smirnova I.G. Interest — a Criminal Procedure Concept. *Politika, gosudarstvo i pravo = Politics, State and Law*, 2008, no. 8, pp. 14–18. (In Russian). EDN: JHMZVF.

4. Dvoretzky I.Kh. *Latin-Russian Dictionary: About 50 000 Words* 4th ed. Moscow, Russian Language Publ., 1996. 843 p.

5. Mikhailov S.V. *The Category of Interest in Russian Civil Law*. Moscow, Statut Publ., 2002. 205 p.

6. Dilbandyan S.A. Legitimate or Any Other Interest Should be Protected in Criminal Proceedings? (A Comparative Legal Study of Criminal Process in Russia and Armenia). *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2010, no. 11, pp. 31–34. (In Russian). EDN: NDMYXT.

7. Maziuk R.V. Procedural Interests of Criminal Proceedings Participants. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 4, pp. 76–84. (In Russian). EDN: ZWBOPH.

8. Lapaev I.S., Aleinikova A.B. *General Provisions of the Criminal Process*. Penza State University of Architecture and Construction Publ., 2021. 170 p.

9. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Process. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 170. (In Russian).

10. Chervonyuk V.I. “Legitimate Interests”: Traditional View (Positivist Interpretation) and Assessment in the Context of the Natural-Legal Nature of Human Rights. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2022, no. 2, pp. 12–23. (In Russian).

11. Degtyarev A.D. *A Balance Between the Interests of a Person, the Society and the State in the Legal Sphere*. Moscow, MGIMO University Publ., 2010. 546 p.

12. Galkin V.M. *The Adversarial Principle in the Soviet Criminal Process*. Cand. Diss. Moscow, 1951. 175 p.

13. Shestakova S.D. *The Adversarial Nature of a Criminal Process*. Saint Petersburg, 2001. 220 p. EDN: TIVAPL.

14. Il'nitskaya L.I. *Personal Interests of Russian Criminal Procedure Participants*. Cand. Diss. Moscow, 2003. 201 p.

15. Berova D.M. The Concept and System of Functions in Criminal Proceedings. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 4, pp. 224–233. (In Russian).

16. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. *Criminal Process*. 4th ed. Moscow, Knorus Publ., 2008. 704 p.

17. Yakimovich Yu.K. *Criminal Procedure Participants*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Publ., 2015. 176 p.

18. Borulenkov Yu.P. Initial Inquiry: Pros and Cons. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 19, pp. 4–8. (In Russian).

19. Loginov N.A. *Ensuring a Right to Protection at the Stage of Initiating a Criminal Case in the Russian Federation and Other CIS Countries*. Cand. Diss. Moscow, 2019. 207 p.

20. Olchenov A.F. Legal Status of the Person in Respect of Whom the Verification of the Crime Report is Being Checked in the Order Declared by the Article 144 of the Code of Criminal Procedure of Russian Federation. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian Law Journal*, 2019, no. 3, pp. 51–54. (In Russian). EDN: VCBHRZ.

21. Muryleva-Kazak V.V. *Procedural Means of Protecting Property Rights of Persons Who are not Participants of Criminal Proceedings. Cand. Diss.* Moscow, 2023. 221 p.

22. Zebnitskaya A.K. *Petitions at the Stage of Initiating a Criminal Case. Cand. Diss.* Moscow, 2018. 215 p.

23. Fedyunin A.E., Peretyat'ko Yu.V. Ensuring the Rights and Legitimate Interests of a Rehabilitated Person as a Participant of Criminal Proceedings. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki = Tambov State University Bulletin. Series: Humanities*, 2020, vol. 31, no. 2, pp. 278–286. (In Russian).

24. Epikhin A.Yu., Mishin A.V. *Ensuring the Safety of Criminal Procedure Participants: A Lecture Course.* Kazan University Publ., 2025. 154 p.

25. Morozova O.S. Applicant of a Crime in the Criminal Procedural Law of the Russian Federation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 25–32. (In Russian). EDN: EQRCNQ. DOI: 10.14529/law240404.

26. Zinoviev K.O. Legal Mechanisms of Ensuring the Procedural Guarantees for Third Parties in Seizures of Property. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2019, no. 5, pp. 60–64. (In Russian). EDN: QEGMDO.

27. Patrusheva T.Yu. The Legal Status of Persons to Whom the Rights of a Deceased Victim are Passed. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 234–239. (In Russian). DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-2-234-239.

28. Vershinina S.I. *Bail in the System of Preventive Measures. Cand. Diss. Thesis.* Khar'kov, 1998. 26 p.

29. Barkalova E.V. *Extradition. Transfer of a Person for Serving a Sentence. The Recognition and Execution of Court Sentences of Foreign Countries.* Saint Petersburg Law Institute Publ., 2023. 87 p.

Информация об авторе

Лебин Василий Витальевич — адвокат, Московская коллегия адвокатов «АдвоПро», 107140, Российская Федерация, г. Москва, Комсомольская пл., 6, оф. 667; член Адвокатской палаты Московской области; аспирант, кафедра уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1, <https://orcid.org/0009-0008-9803-5063>.

Author Information

Lebin, Vasily V. — Lawyer, “AdvoPro” Moscow Bar Association, 6 Komsomolskaya Square, Moscow, 107140, the Russian Federation; Member, Moscow Region Bar Association; Ph.D. Student, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 9, Building 1, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123242, the Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-9803-5063>.

Поступила в редакцию / Received 28.03.26

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.04.26

Принята к публикации / Accepted 18.06.26

Дата онлайн-размещения / Available online 30.06.26